

Автор рисунка: Ольга Неводнева

Беседка
у каминна

PUR - PUR - PUR

№ 21

Содержание

Рубрики

От редакции	3
Статьи	
Дарья Кошечая	19
«Маленький герой. Психологический портрет ребенка»	
Объявление	37

Проза

Валентина Демидова-Кайма	Сердитый Вася	4
Евгения Козачок	Я тебя ждала	7
	Там, где меня нет	8
	Праздник счастья	9
Дарья Кошечая	Разочарование	24
Кирилл Сорокин	Теремок	27

Стихи

Михаил Блинов	5
Нина Гаврикова	6
Ира Ничья	12
Серж Антонов	13
Юля Паламарчук	16
Павел Вечный	22
Кирилл Сорокин	26

Рисунки

Евгений Бем	6 , 11 , 23 , 38
Ольги Неводовой	Обложка , 5 , 18 , 34 , 35

[Навигация по авторам](#)

Здравствуйте, дорогие читатели!

В последний месяц лета мы решили выпустить цветочно-травяной номер, в качестве краевого прощания с порой цветенья и разнотравья. Кроме оригинальных фонов и оформления, вас ждут не менее оригинальные и интересные тексты.

В 21 номере вас ожидают не только тексты давно полюбившихся авторов, но и несколько новых имен. В этом номере вас ждет большое количество стихов, что, согласитесь, для нашей газеты в последнее время не характерно. Кроме того, имеется в номере и информация для писателей. В частности, статья Дарьи Кошевой «Маленький герой» повествующий об образе ребенка.

Страницы номера украшают рисунки двух давно знакомых нашим читателям художников: Евгения Бема и Ольги Неводовой. А на последней странице вы увидите небольшое объявление от нашей газеты.

Приятного чтения!

Всегда ваша, редакция БУКа!

Валентина Демидова-Кайма

Сердитый Вася

Лариса обращается за помощью к друзьям мужа, которого она недавно увела от старой жены.

— Поговорите хоть вы с Василием. Трезвый — спокойный. А как выпьет, начинает придирается, а то хватает шашку казачью со стены и гоняет меня по всему участку с криками!

В это было трудно поверить, мы знали Василия не первый год. Главный архитектор города, интеллигентный, душа компании, играет на гитаре и поёт песни нашей юности.

— Приходите в гости, — я решила на месте посмотреть и понять, в чём дело.

Сидим за столом.

— В воскресенье мы с Лориком были на рыбалке, — начал, было, Вася.

— Ой, скажи спасибо моему папе, если бы он не дал тебе снасти, мы бы и через год не собрались, — перебила Лариса.

— Сначала шли одни гибриды, — невозмутимо продолжил наш друг.

— Здравсте, а карася забыл? Первым-то карась был!

— А потом подряд двух сазанов вытащил, килограмма по три каждый, — голос у Василия оставался спокойным, и он даже улыбнулся.

У меня в голове мелькнула картинка, где он, наконец, догнал своего длинноногого Лорика и ... Моё видение прервал возмущённый возглас Ларисы.

— Один три с половиной килограмма, а второй только два восемьсот!

Мой муж зашёлся в кашле. Я подала ему воды и попросила Ларису помочь мне на кухне

— Так говоришь, он тебя пьяный по двору гоняет? Так вот, я бы тебя и трезвая придушила.

Михаил Блинов

Сладкая, горькая, пьяная

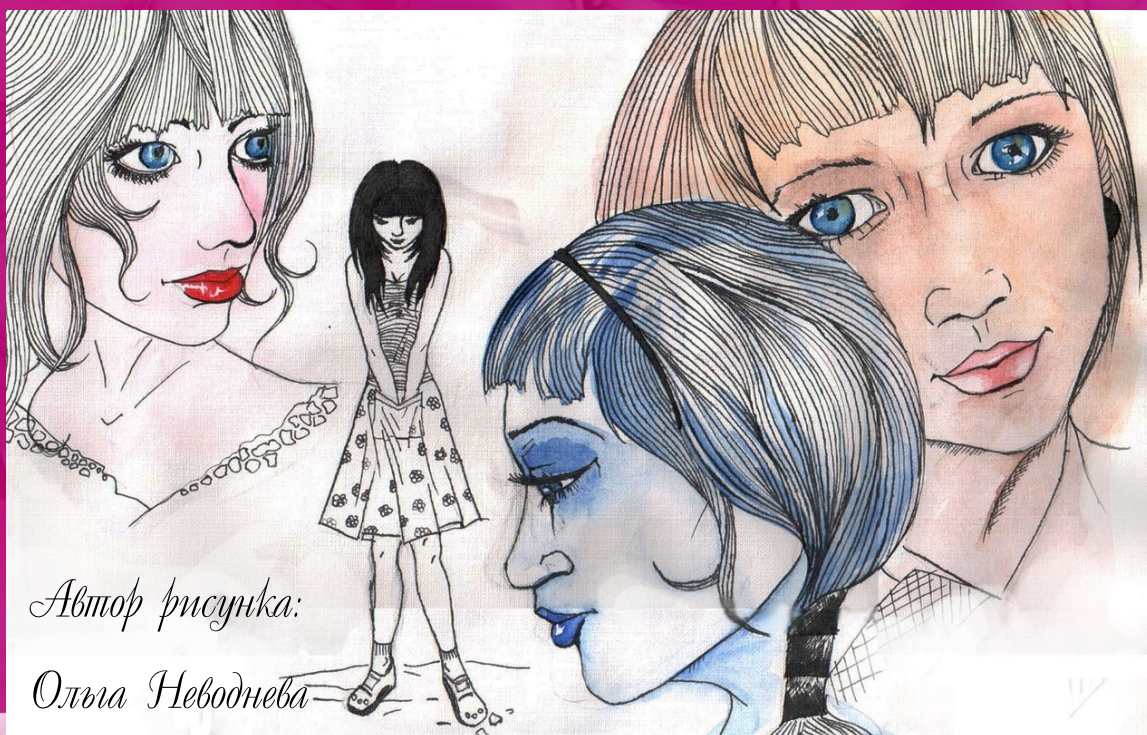
Сладкая, горькая, пьяная,
Русь ты моя бесприданная!
Вечным туманом укрытая,
Зорями в небе разлитая.

Жуткая, грязная, дикая,
В росписи светлыми ликами.
Правокрестово-знамённая,
Ведьмами заговорённая.

Резвая, жгучая, страстная,
К судьбам людским безучастная.
Болью сквозь сердце расшитая,
Жалко-тщедушно-побитая.

Стойкая, мудрая, верная,
Хоть и с манерами скверными.
Духом народным воспетая,
Дивно-природно-раздетая.

Странно-тоскливо-желанная,
Русь ты моя окаянная!..

Автор рисунка:

Ольга Неводнева

Нина Таврикова

Детство — краткий миг Дождик шлепает по лужам

Сердца поплавок
Рвется из рубашки.
Детства островок
Спрятался в ромашки.

Солнышка янтарь
Тает на закате.
И опять, как встарь,
Мчусь на самокате.

Речка. Бережок.
Бабочка порхает.
Лёнька, мой дружок,
Горестно вздыхает:

— Не заметил как
В луже очутился, —
На щеке синяк
Ярко засветился.

Дальше босиком
Подвиги свершаем,
Сядем и тайком
Вместе наблюдаем:

Неба потолок
С ватными краями,
Прямо на восток
Тропка с облаками.

Важные киты
И дельфины рядом.
Парусник мечты
Провожаем взглядом.

Белых чаек крик.
Дней былых цепочка.
Детство — краткий миг,
Старости отсрочка.

Не страшна нам злая стужа.
Дождик шлепает по лужам,
По аллею напрямик,
Как мальчишка - озорник.

Бьет чечетку на дорожке
И у папы на ладошке,
На скамейке во дворе,
На собачьей конуре.

Подражает он лошадке,
Шаг чеканит по брусчатке.
Дробь морзянки в тишине
По забору, по стене,

Барабанит он в окошко,
Дождик лапкой ловит кошку.
Не сказав нам пары слов,
Пошумел и был таков!

Автор рисунка: Евгений Бем

Родные мужа жили в маленьком селе в 65 километрах от областного центра. Мы от областного центра в 190 км «с хвостиком». Дорога в область — мимо села не проедешь. Так что у родных бывали часто. Приезжали то одной семьей, то, не сговариваясь, все четверо сынов и две дочери с семьями. Людно было во дворе, если все сразу. И в селе народу как-то прибавлялось. И все ведали, все знали, сколько детей в этот раз понаехало к Тимохиным и сколько внуков, правнуков прибавилось. Село-то махонькое. Все, как на ладони. Кто рядом жили, частенько заходили в гости почаевничать, побеседовать. Непременно приходила тетя Валя, мамина подруга, никогда не пропускающая наш приезд.

Идет от калитки маленькая, сухонькая, платочком в розочках повязана, с неизменной спутницей собачкой Муськой. Идет медленно, с остановками, как будто раздумывает, идти или нет. Муж идет ей навстречу. А у меня сердце снова не удержалось, как и при каждой встрече, заухало, забило. И чтобы не выдать себя слезами, детей впереди себя и к ней. Обрадовалась. К детским рукам прикоснулась, головки погладила, заулыбалась. Неизменный ритуал был соблюден. И рядышком с нами до самого вечера, чтобы махнуть рукой «пока» уезжающей машине. Стеснялась брать подарки, гостинцы. Убеждали. Брала. Но не за этим приходила тетя Валя в каждый наш приезд. Приходила узнать о сыне. Давно ли мы видели его, невестку, внуков у нашей соседки, подруга жены сына. Какие уже внуки? Выросли, поди, уже. А как сыночек выглядит? Случаем, не болеет?

Не знали, как и отвечать. Обманывать нельзя. А правду — уста немеют. Ну, как скажешь ежедневно ждущей сына матери, что сын ее часто бывает с семьей у соседки, не заезжая к ней. Что внуки уже в школу ходят и играют с нашим сыном. И бывают они у подруги все выходные. А если отпуск, то и по несколько дней. И что сын ее, попав в число руководителей области, и мужу говорит «здравствуй», как одолжение делает. И о матери — ни с одним вопросом не обратился.

Решили мы хоть что-то наглядное о внуках привезти. Под предлогом, на память о дружбе детской, сфотографировали ее внуков с нашим сыном. Привезли ей. Долго рассматривала фотографии. Слезы градом катились. Только и сказала: «Боже! Да они же копия моего сыночка в детстве!» Бережно погладила каждую фотографию и засобиралась домой.

Через два года тети Вали не стало. На похороны приехал сын. Без жены и детей. В сопровождении свиты. Сопровождающие организовали похороны, накрыли столы яствами, которых односельчане раньше никогда и не видели. Оставили всех за накрытыми столами и укатили. А через полгода на кладбище возвысилось мраморное — единственное такое — надгробье с Ф. И. О. тети Вали и датами ее жизни через черточку. А в этой черточке все: любовь к сыну, боль, слезы, ожидание, надежда, одиночество...

Соседи, убирая после отъезда сына, в доме нашли в уголке ящика стола узелок с деньгами и записку: «Это пенсии мои. Передайте сыночку для внуков. Скажите, от бабушки».

Передали, когда устанавливали надгробье. Молча положил в карман. В селе больше его не видели. Зато на экране телевизора часто. Односельчане переключались на другой канал, когда видели его и слышали о нем хвалебные оды.

Там, где меня нет

Время суток определяет рассвет и закат. Ночной промежуток — попытка уснуть, забыться, заглушить воспоминания. Что четыре утра, понятно по предрассветной дымке осветившей квадрат на стене от некогда очень дорогой картины. Еще немного, и рассвет полностью вошьется в квартиру, раскрывая тайны бытия.

Быт — кричаще нищ! После обмена квартиры в элитном районе на «гостинку», оставшиеся ещё канделябр (женщина с кувшином), красивое бра, инкрустированный камнями телефон из Индии (все это в аукционных домах «Гемос» или «Корнес» стоило бы тысячи долларов) продала за гроши. Сняты со стены в роскошных багетных рамках фотографии — путеводители прежней жизни: Индия, Франция, Италия, Острова Океании, парусник (продан при жизни мужа). Багет — обменян на продукты. Фотографии и альбомы — в картонной коробке.

Неприкосновенен и свят — шкаф. В нем летне-зимняя одежда от кутюр из Парижа и Италии. Они до последнего дыхания — выход в общество людей.

Около пяти утра. Чтобы встать, подтянулась к веревке, привязанной к спинке железной кровати. Посидела, открыв возможность правильному току крови. Протопала в ванную — к живительной, освежающей воде. Ради нее и квартиры — все утренне-дневные усилия.

Зеркала нет. Испещренное глубокими морщинами когда-то очень красивое лицо не должны видеть глаза.

Одела теперешнюю одежду, взяла соответствующую сумку и отправилась засветло, чтобы никто не видел, к мусорным бакам. Там стоит картонная коробка на два отделения — для пищи и бутылок.

Вся жизнь в двух картонных коробках: в одной — визуальное воспоминание, в другой — продление жизни. Горек чужой хлеб и тяжелы ступени чужого крыльца, хорошо, что первый этаж. Пища — для себя, бутылки — для оплаты жилья и воды. На телефон — вызвать «скорую» — и свет (отрезали) — не получается.

Возвратилась. Одела парижско-итальянские одежды, сложила в соответствующую сумку бутылки.

Вышла из подъезда с высоко поднятой головой и, сдерживая крик боли, прямой спиной. В руке... красивая сумка. И не дай Бог, чтобы кто-то догадался или узнал о ее содержимом и о моей жизни! Не прилично!

Никто не должен знать, что меня нет в той прекрасной жизни!!! «Уехала» жить за границу — на остров... забвения.

Праздник счастья

Святослава благополучно прошла все четыре матрицы своего рождения. Была рада этому благополучию и тому, что своим долгожданным появлением осчастливила маму и папу.

Когда папа впервые увидел Святославу, то повёл себя странно: целовал маму, плакал, смеялся, танцевал. А когда запел, то Святослава сразу же узнала его по голосу.

Мамин голос, биение сердца, каждое движение Святы слышала каждый день в свой «золотой период». У мамы в животике она жила просто в идеальных условиях. Там она была в абсолютной безопасности. Температура самая комфортная. Питание поставлялось своевременно. Святослава буквально напивалась мамой — и в прямом, и в переносном смысле —

насыщаясь ее любовью.

Но ничто не вечно под луной — период блаженства и полного умиротворения прошёл. Свята запаниковала. Так было хорошо в ее «домике», а на неё что-то давит, выхода не оставляет. Она совсем уже было впала в отчаяние, но появился «свет в конце тоннеля» и... свобода!!!

Господи! Но где же мама? Незнакомые голоса. В руках, держащих её, не чувствуется биения сердца матери. От испуга, что нет мамы, дышать стало тяжело. Закричала! И вдруг мамин голос: «Доченька моя родная, с приходом в прекрасный мир нашей к тебе любви!»

И снова возвращение в рай! Святу положили маме на живот. Какое блаженство! Она снова почувствовала тепло маминого тела, биение её сердца, знакомый запах! Умиротворение....

Папу узнала по биению пульса на руках, которые он прикладывал к её «домику» оберегая от ударов и толчков.

Свята знала и папу, и маму очень давно. Ведь её душа сама их выбрала. И ещё она знала, где и когда родится и что будет желанным ребёнком. А значит, и она во взрослой жизни будет способна на большую любовь, глубокую привязанность. Как папа, будет терпеливо доводить начатое дело до конца и не паниковать в безвыходной ситуации. И, как мама, будет талантливой художницей и рукодельницей. Красотой в маму и бабушку. И их доброта перешла к ней по тайной ниточке, как ток по проводам.

Святочка родилась в светлые рождественские дни. Поэтому и назвали ее так светло — Святославой. И светится она, как самая яркая звёздочка на небе, уже четыре счастливых года, и особенно на трёх праздниках: под Новый год, в её день рождения и Рождество Христово. Растёт счастливой, весёлой, любознательной. Часто удивляет воспитательницу вопросами, после чего та с претензиями к родителям:

— Святочка Ваша задаёт вопросы не по её возрасту.

— Какие же?

— Ну как какие? Даже не знаю, как Вам сказать. Вот сегодня, например, зашла к нам воспитательница из другой группы. Она в положении. Свята подбегает к ней и спрашивает: «А кто в Вашем животике, мальчик или девочка? Там хорошо. Тепло, уютно, мама всё время кормит. Только очень темно». Вы что девочке рассказываете о развитии ребёнка в утробе матери?

— Не рассказываем. Сама удивляюсь Вашим словам. Нам она подобных вопросов не задавала.

— Да, ещё эпизод. Не так давно Свята подошла к Лёше и сказала: «Ты не плачь, что папа тебя не любит. Он просто не защищал тебя, когда ты жил в мамином «домике», и поэтому не знает, что ты его сын». О каком домике она говорит? Какие книги дочке читаете?

— Сказки, стихи Михалкова, Чуковского. «Муху цокотуху» наизусть знает.

— Как знает? Почему молчали? Мы ее в программу нашего концерта внесём.

— А Вы им какие книги читаете?

— Всякие... по программе.

Прошло несколько месяцев, снова претензии.

— Сегодня рисовали фрукты. Все дети рисуют то, что я им сказала. А Ваша Свята всё время рисует домик.

— Она что, плохо рисует?

— Рисует на удивление хорошо. Вот посмотрите: на трёх листах нарисовала и везде один и тот же домик.

Принесла рисунки домой, отдала Геннадию.

Он к дочке с рисунками:

— Святослава, ты такие красивые домики нарисовала. А почему одно окно на домике закрыто?

— Там холодно.

— Где, там?

— Где много деревьев.

— А где много деревьев?

— Далеко.

Озадачила родителей. Появилось ещё больше вопросов. Как оказалось позже, это были только цветочки.

Перед Новым годом всё семейство готовилось к празднику. Искали подарки, покупали игрушки на ёлку, продукты. Дедушка и бабушка купили Святе красивое платье Феи и волшебную блестящую, словно в бриллиантах, палочку. Планировался традиционный семейный праздник, к которому всё было готово.

И вдруг за шесть дней до Нового года Свята заявила: «Я хочу к бабушке».

— Бабушка и дедушка обязательно придут к нам на Новый год.

— Не к этой бабушке. Другой.

— У тебя нет другой бабушки.

— Есть. Она живёт в этом домике.

И показала рисунки, что рисовала в садике. Взрослым стало не по себе. Откуда такое желание? Сон видела или чувствует что...

Сидели втроем на диване, смотрели телевизор. Предновогодние новости. Кадр сменялся новым кадром. Информация населению о том, сколько каждый год на новогодний праздник вырубаются ели и сосны. Показывают лес с высоты птичьего полёта.

Закарпатье. Буковель. «Пробежало» по экрану селение, окраина села и почти в лесу — одинокая избушка. Вдруг Свята как закричит: «Папа, мама — это бабушка! Дом моей бабушки!

— Откуда ты знаешь, что там твоя бабушка?

— Знаю. У неё такой рисунок на левой руке, как у мамы.

Боже! У Али на левой руке родинки расположились так, как звезды у созвездия Большой Медведицы — семь звёзд-родинок.

От удивления ни Аля, ни Гена не знали, что и сказать ребёнку. Аля в слёзы. Неужели ребёнок знает о том, что она воспитывалась в интернате, а о маме своей только мечтала. Окончив школу, искала ее. Да и сейчас еще не потеряла надежду на встречу. Но кто Святе рассказал об этом?

Выяснилось, что ни Геннадий, ни его родители, ни слова об этом Святе не говорили.

Шок! Геннадий в Интернете искал новости канала, чтобы ещё раз увидеть этот кадр. Дозвонились в студию. Рассказали о своей просьбе. Слава Богу, что люди поверили в серьёзность проблемы. Через два часа позвонили, дали адрес объекта съёмок.

Господи! Неужели ребёнок каким-то необъяснимым образом почувствовал родство поколений или «зов крови», и что её, Али, мама живёт именно в этом домике, где много деревьев?

На сборы в дорогу ушло меньше двух дней. Отец Гены подготовил машину и, вопреки разуму, но по зову сердца ребёнка, семья выехала в неизвестность.

Когда подъезжали к домику, Свята засветилась, повеселела, достала с рюкзака свои рисунки. Удивились. Одно окно на домике было закрыто снаружи ставнями, как на её рисунке. Свята, первая выскочила из машины. Бежит к дому и зовёт: «Бабушка, бабушка, мы приехали!

Мы тебе подарок на Новый год привезли!»

На зов вышла седая женщина, похожая на Алю так, словно Аля вмиг стала старше на тридцать лет. Женщина посмотрела на бегущую к ней девочку, на Алю и... опустилась на порог дома. Ноги не удержали вес счастья! Горе удерживали, а счастье с ног сбило.

Мать и дочь стояли, смотрели друг на друга, узнавая каждую родную чёрточку. И слёзы радости, как весенний дождик, оросили улыбки родных, так долго искавших друг друга. Не забыли и о рисунке на левой руке. Убедились, что ковш Большой Медведицы у обеих одинаков. Бабушка рассказала, что такое расположение родинок передаётся женщинам в их роду уже пять поколений. И что Святославой звали её прабабушку. И что Але тоже дано было это имя. И что мама не праздновала Новый год с того страшного предновогоднего дня, когда в городском универсаме пропала её доченька. Не сошла с ума, и не умерла тогда только потому, что искала дочь все это время. А последние годы уже и не надеялась на встречу.

Святослава невероятным знанием своего прошлого и будущего подарила родным радость долгожданной встречи и новое ощущение чудесного новогоднего праздника — праздника счастья, любви, надежды!!! Святослава благополучно прошла все четыре матрицы своего рождения. Была рада этому благополучию и тому, что своим долгожданным появлением осчастливила маму и папу.

Ира Нилья

Потому что птицы умеют быть свободными

Да ведь и не было никакой любви.
И боль не делилась поровну.
Рви теперь ровный ход времени,
смело рви.
Синкопами... синкопами.
Этот роман, как свадебный торт:
красиво!...но быстро портился.
В итоге размазывался говном
друг другу по душам/сердцам...
так и ходили с гордостью.

А ведь и не было никаких причин,
но спальни...
помнят нас еще чистыми,
помнят нас еще честными,
помнят еще числа.
Метафор красочный круговорот
и солнце брызгами.

А ведь и не было никакой любви,
но спальни помнят нас...
еще птицами.

Отрывок

...и что мне сказать ей? Слова же должны быть важными, действительно важными, особенными. А я, молча, стою и думаю о том, что сегодня понедельник, о том, что я ненавижу перроны.

Ненавижу прощаться.

Ненавижу август.

Потому что звезды не падают и не гаснут, а умирают. Потому что поезд, который через 8 минут проглотит ее вместе с большим смешным чемоданом, увезет в ненавистную мне пропасть, называемую гордо столицей. Увезет в осень. Потому что этот поезд не железная собака, а сосуд кровеносный пока что еще живой планеты. Потому что я фаталистка, глупею летом и люблю драматизировать. Потому что я стою и плачу. Потому что она меня держит за руку, смотрит в глаза, улыбается и говорит ласково:

— Белка, ты чего? Не плачь! Ну, перестань же!!! Мы же...

— Ты мне так и не спела Курта.

— Мы же еще увидимся! — пауза секундная и она перестает улыбаться. А я чувствую, как она напрягается каждым мускулом, сжимает мне больно запястья. — Нет?... И давно ты решила?

...и что мне сказать ей? Слова же должны быть важными, действительно важными, особенными...

Преданная память

Внучонку в память о дедуле
Досталось несколько наград.
И он, его чтоб не надули,
Продать их очень был бы рад.

Залез на сайт, узнал про цены,
Дал объявление на торг.
Три «Славы» были драгоценны,
У скупщиков кипит восторг.

На юбилейные медали
Сейчас не очень сильный спрос,
И наварить на них, едва ли
Наследник думает всерь  з.

Но есть ещё две «За отвагу»,
«За Кенигсберг» и «За Берлин».
Стрелял дед лихо по Рейхстагу –
Конец войне неумолим.

Домой вернулся победитель.
Кругом руины и зола.
И бывший воин и спаситель
Стал возродителем села.

За мирный труд имеет орден.
Растил детей врагам назло.
Ещё не старый был он вроде,
Но со здоровьем не везло.

Осколок, что сидел под сердцем,
Бойца в конце концов убил.
И был дед предан отщепенцем,
Награды внук его пропил.

Шел снег

Шел снег неспешно по тропинке,
Туда, где музыка играла.
Судьба любовь где по крупинке
Двум душам молча собирала.

А мы о том не зная вовсе
С тобою просто танцевали.
К мечте своей незвано в гости,
Идя, увы, комплексовали.

И вот он — миг заветной встречи,
Что обручает нас с разлукой.
Ведь быстро так проходит вечер,
Опять наполнив сердце мукой.

Шел снег крадучись по дорожке,
Туда, где музыка звучала.
Где от любви остались крошки,
Где нам нельзя начать сначала.

Ночные ведьмы

Посвящается Надежде Поповой, Марине Расковой и всем девушкам - пилотам, штурманам, механикам и техникам 46 гв. женского полка ночных бомбардировщиков.

И что с того, что звались "ведьмы",
Врага крушили на "Ура".
И в каждый вылет, как в последний
Звала военная пора.

Ваш возраст был чуть-чуть за двадцать.
И все красивы и стройны.
Джюльетами вам надо б зваться,
А не рабочими войны.

Не ждали в небе вы поблажек
От смерти злобной и шальной.
Порой никто и не расскажет,
Каким ваш был последний бой.

С собой не брали парашюты,
Чтоб больше стал боезапас.
Марины, Нади и Анюты
Спасая мир, спасали нас.

Вершины все вы покорили,
Но матерями стали те,
Кто до конца войны дожили,
Не растворившись в пустоте.

Никто на встречу не пришел

Стоял в сторонке ветеран
С табличкой о пехотной роте.
Он ждал своих однополчан,
Чтоб вспомнить о былой работе.

Цветы в руке, блестят награды,
За встречу выпить бы 100 грамм.
Друзья сегодня были б рады
Наполнить водкою стакан.

Но годы их не пощадили,
Никто на встречу не пришёл.
Звучали марши, песни плыли,
Войну как воин поборол.

Он победитель, но напрасно
Друзей сегодня будет ждать.
Так одиночество опасно,
Что стал душой он уставать.

В его глазах от горя слёзы,
Табличка брошена на пол.
О, как жестока жизни проза:
Не сядут воины за стол.

Он тихо добредёт до дома,
Альбом раскроет фронтовой.
И будет вспоминать всё снова:
Победу, встречи, смертный бой.

Близнецы

Военный госпиталь в Сибири,
Где нет обстрелов и тревог.
Ни разу город не бомбили,
Враг доползти сюда не смог.
Но горе здесь война явила
Рядами скорбными могил,
Кого не смог спасти светила
Советских медицинских сил.
И вот сюда, презрев препоны,
Сквозь трудности военных дней,
Меняя станции, перроны,
Спешила мать прибыть скорей.
Здесь в «Энском» городе, в палате
Её лежали близнецы.
В углу за ширмой две кровати.
На теле шрамы и рубцы.
Они им в память о сраженье
На Курской огненной дуге.
Подбит был танк их, к сожалению,
Как многие, сгорел в огне.
Из экипажа только двое
Спаслись успели из огня.
Тащил брат брата с поля боя,
Смерть матерно во всю кляня.
Сказал им доктор в медсанбате,
Устало пот смахнув с лица,
Что при любом им здесь раскладе,
Увы, не долго ждать конца.
Но сделал всё, что в его силах.
В эвакопоезд загрузил.
Жаль, сказочных нет эликсиров,
Чтоб даже мёртвый вдруг ожил.
И вот они на излечение
В Сибири, где шумит тайга.
Не жизнь у них — одно мученье,
Но им ещё крушить врага.
И потому есть силы, чтобы
Преодолеть любую боль.
Гвардейцы выжили здесь оба,
Готовы ринуться вновь в бой.

Непокоренный Китеж-град

Там, где озеро святое
Обращает к солнцу лик,
Где в высоком травостое
Дух медовый всё затмит,

Там, где племя берендеев
Поклоняется богам,
Где не знали лихоев,
Город Китеж вырос там.

Чередой летели годы,
Князь Владимир Русь крестил.
От торговли шли доходы,
Набирался город сил.

Белокаменная крепость,
Золотые купола...
Но случилась вдруг нелепость:
Заявилась к нам орда.

Править миром хан желает.
Взяты Киев, Каменец.
Смерть над Китежем витает...
Бьётся Юрий-удалец.

Но татар безумно много.
С ними просто слада нет.
В Китеж-град лежит дорога,
Как спасение от бед.

Пленных враг огнём пытается,
Чтобы выведать маршрут.
Только каждый воин знает,
Что проклятия их ждут,

Если выдать город Китеж
На поруганье врагу.
Сам себя возненавидишь.
Терпят, через не могу.

Но не выдержал всё ж пытки
Воин Гришка Кутерьма.
Был предатель очень прыткий,
Выдал путь не задарма.

Сколько дадено Иуде,
Знать нам было ни к чему.
Уповали все о чуде,
Чтобы Бог отвёл чуму.

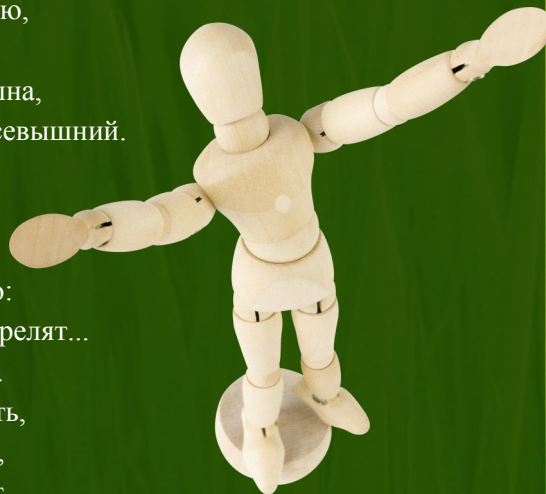
Глас на небе был услышан,
Чтобы избежать полон
Воды затопили крыши...
И, Батый убрался вон.

А с тех пор на Светлояре
Колокольный слышат звон.
Охраняем град зверями
Не один уже сезон.

И легенда нам вещает,
Что настанет свой черёд
Китеж-град опять восстанет
И поднимется из вод.

Зовемся, конечно, — люди

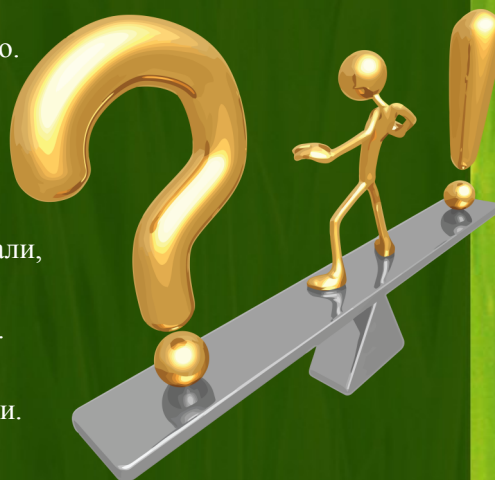
Зовемся, конечно, — люди, но все мы — простые звери.
Сегодня ты чей-то бог, а завтра в тебя не верят,
Бросают, бросаются, бьются, впиваясь клыками в шею,
Хотя пару дней назад тебе возразить не смели.
И был ты — миллиард названий: Аллах, Иегова, Кришна,
Не просто обычный смертный, а что ни на есть — Всевышний.
И были тебе открыты любые сердца и двери,
Но в эту секунду — бог, а завтра в тебя не верят.
И кланяются, и пишут в листки твое каждое слово,
И всё, что ты не прикажешь — на завтра будет готово:
Построят, найдут, исчезнут, ненужных тайком пристрелят...
Вот только сейчас ты — бог, а завтра в тебя не верят.
И вроде бы — мощь и сила; толпа, что готова слушать,
И вера в тебя — всеильна, заполнила напрочь души,
И ради тебя — что хочешь: умрут, предадут, изменят...
Однако ты ныне — бог, а завтра в тебя не верят.
Уйдут, забыв, истратив и веру, и силу духа,
Как будто твое ученье влетело в одно лишь ухо.
А всё потому что люди на самом-то деле — звери,
Хотят, чтобы был им бог, но сами в него не верят.

Счастье — это когда до дома пара улиц, маршрутка, поезд.
И когда в этом доме — люди, те которые точно ждут.
Счастье — это когда годами не тревожит ночами совесть
И когда не боишься в старости появиться на божий суд.
Счастье — это улыбка мамы, или даже когда ругается,
Потому что когда есть мама, то и счастье недалеко.
Счастье — это когда котейка цвета сажки — плохой считается,
Или если когда боишься рассказать, что разбил стекло.
Счастье — это когда на улице ты проходим сам улыбаешься
И когда их улыбки искренне появляются для тебя.
Счастье — это когда с любимыми три часа на два дня прощаешься,
И когда ты уверен в возврате, видя близких своих, уходя.
Счастье — это экстракт свободы, вперемешку с удачным случаем,
Или, может быть, сила воли, что ведет тебя напролом.
Счастье — это когда живешь ты и считаешь, что только лучшее
Окружает тебя, как будто бы ты у ангела под крылом.
Счастье — это когда на свете нет такого вот человека,
Что хоть раз от порыва злости прокричал бы тебе «умри».
Счастье — это когда с любовью проживаешь своей полвека,
Счастье — это такое чувство, что найдешь у себя внутри.

Идти в одиночку по жизни — возможно, но очень непросто.
Никто не поднимется утром, чтоб сделать горячие тосты,
Не будет сражений за ванну и воду горячую в душе,
Покой среди ночи кошмаром никто никогда не нарушит.
Четыре стены и... обои? Возможно, поддержат в печали,
Но только ведь стены не скажут, о том, как за кем-то скучали,
Не смогут увидеть страданий, услышать стенания, муки,
Не смогут остаться причиной вернуться обратно в разлуке.
И боль от потерь, расставаний, проблем и обид не излечат,
А только лишь грузом молчаний возлягут на хрупкие плечи.

Идти в одиночку по жизни — возможно и очень удобно.
Не нужно гадать, волноваться, на что сердце рядом способно,
И сможет ли выдержать пытку под весом забот и волнений.
Не будет ни ссор, ни разрывов на почве различий и мнений,
Вокруг будет мир и согласие. Без дум о чужих откровениях,
Без мыслей о счастье другого, без вечных о чувствах сомнениях,
Что только лишь стресс добавляют, морщинки на лицах прекрасных.
А будут — баланс и здоровье, и меньше слабинок опасных,
И точная вера, что кто-то стабильность внутри не разрушит
Сначала прижившись, а после... нагадив в наивную душу.

Вы хотите любви, говорите?

Вы хотите любви, говорите?
Просыпаться вдвоем, пить чай,
Обсуждать ваш июнь на Гаити,
Вспоминая прошедшие дни,
Уходить на работу, целуя,
Обещая вернуться к семи,
А вернувшись, с любимой воркуя,
Наслаждаться покоем семьи.

Вы хотите любви, говорите?
Иногда удивляться цветам,
Согревать неживую обитель,
Когда он к сожаленью не там,
У окна ждать его вечерами,
Наполняя бокалы вином,
А потом наслаждаться руками,
И мгновеньями только вдвоем.

Вы хотите любви, говорите?
А готовы вы правда любить?
Помогать отыскать в лабиринте
Верный выход, не дергая нить,
Не бежать когда падает низко,
Когда взгляд переполнен тоской,
Когда в пропасть летите со свистом
И не видится выход другой:
Только порознь и хватит страданий,
Надоело бороться за двух.

Автор рисунка: Ольга Неводнева

Дарья Кошечкина

Маленький герой. Психологический портрет ребенка.

Для писателей.

Статья подготовлена на основе психологических теорий. Помните – здесь описаны типичные модели поведения и развития детей.

Хочу, чтобы вы поняли, характер младенца — это вовсе не чистый лист, каждый ребенок с рождения уже имеет собственный характер. Посмотрите внимательно на то, как разные дети ведут себя в разных ситуациях. Вот они лежат в своих колясках. Один с интересом разглядывает окружающий мир, легко откликается на других людей, улыбается, когда к нему подходят. А другой смотрит с опаской, или не замечает никого вокруг, а может задумчиво глядит перед собой и «как будто все понимает». На этот изначальный характер в дальнейшем наложится очень многое — отношения в семье, травмы, события в жизни. И вот ваш маленький герой станет тем, кто он есть, когда вы принялись о нем писать.

Итак, что говорят психологи про возраст детей? От нуля до трех лет я сознательно пропускаю.

3 года — время развития "Я"; ребенок учится отличать себя от других и предметы друг от друга по различным признакам (форме, цвету или размерам);

4 года — период нарциссизма — знает свое имя, фамилию, возраст и жилище. Стремится выставить себя в выгодном свете (наблюдает за собой, следит за своими действиями, упорствует в выполнении поставленной перед ним задачи). Растет уровень абстрактности восприятия предметов (различает линии, направления, положения, графические обозначения).

5 лет — учится играть роль и придумывает себе героя.

Хочу добавить важный момент: в сложных условиях дети взрослеют быстрее! И чем тепличней условия, тем дольше остаются детьми. Вот хороший пример: описание путешествия Дугласа Локвуда вглубь пустыни Гибсона (Западная Австралия) и его встречи с аборигенами племени пинтуби («поедатели ящериц»). Д. Локвуд пишет, что «девочка двух-трех лет во время еды засовывала себе в рот то огромные куски лепешки, то кусочки мяса крошечной гуаны, которую она сама испекла в горячем песке. Ее младшая сводная сестра сидела рядом в грязи и расправлялась с банкой тушенки (из запасов экспедиции), вытаскивая мясо пальчиками». На следующее утро Д. Локвуд осмотрел банку. Она была вылизана до блеска. Еще одно наблюдение Д. Локвуда: «Перед рассветом аборигены разожгли костер, чтобы он защитил их от холодных порывов юго-восточного ветра. При свете костра я увидел, как маленькая девочка, еще не умеющая как следует ходить, устроила для себя отдельный костерчик. Наклонив голову, она раздувала угли, чтобы огонь перекинулся на ветви и согрел ее. Она была без одежды и наверняка страдала от холода и все же не плакала. В лагере было трое маленьких детей, но мы ни разу не слышали их плача».

Так что подумайте, в какой эпохе, в каком месте и как именно живет ваш герой. Возможно, у него просто нет времени оставаться ребенком. Поразмыслите о семье: так дети, предоставленные сами себе, гораздо самостоятельнее домашних мальчиков и девочек, окруженных заботой родителей. И характер у первых будет гораздо жестче. Какие отношения у героя с матерью, отцом, полная ли семья? Помните, что дети либо подражают одному из родителей, либо действуют наоборот, вопреки. Если ваш маленький герой – будущий злодей, то

причина кроется именно здесь, в детстве.

Вот как Полина Дашкова описывает детство будущего серийного маньяка в своей книге «Легкие шаги безумия»: «Он рос тихим, послушным мальчиком. Мать следила за каждым его шагом, за каждым вздохом.

— Ты — внук легендарного красного командира, — повторяла она, — ты должен быть достоин своего великого деда.

Маленький мальчик плохо понимал, что значит — быть достойным деда. Суровый широколицый мужчина со светлыми усами, в кожанке, перетянутой португеей, глядел на него с бесчисленных портретов, больших и маленьких, развешанных по всей квартире. В доме на стенах больше ничего не висело — ни картин, ни календарей, только портреты легендарного деда. Да еще на письменном столе матери стояли небольшие бронзовые бюстики двух великих вождей — Ленина и Сталина. Вытирая пыль с холодных маленьких лиц, надраивая зубным порошком бронзовые глаза и усы, Веня Волков всегда очень старался. Уборка в квартире была его обязанностью с семилетнего возраста, и мать очень тщательно проверяла качество работы. Однажды, заметив под глазом Иосифа Виссарионовича белое пятно — остатки нестертого зубного порошка, она отхлестала сына по щекам. Ему тогда было десять.

Наказанию он не удивился, счел его вполне заслуженным. Но его впервые поразило совершенно спокойное, безразличное лицо матери. Методично отвечивая сыну звонкие оплеухи, она пристально смотрела ему в глаза и повторяла:

— Нет ничего случайного в жизни. За небрежностью стоит умысел. Небрежность всегда преступна.

Многие его одноклассники бывали биты своими родителями, но в основном били отцы — по пьяни, с похмелья или просто попадался пацан под горячую руку. Отцы били по заднице ладонью, либо ремнем. А матери, как правило, заступались.

Веню Волкова била мать, причем всегда — по щекам, ладонью, совсем не больно. Только щеки потом горели. Никогда она не делала этого спяну или сгоряча. Она вообще не пила, была всегда трезвой, ровной и спокойной. Отец не заступался. Он был такой тихий и незаметный, словно и вовсе его не было. Он работал инженером на хлебозаводе, пропадал там целыми днями, а иногда и ночами. Мать никогда не была при нем, не потому, что боялась, просто так получалось, отец редко бывал дома. А сын отцу ничего не рассказывал. Он вообще никогда ничего никому не рассказывал. Все отцовское воспитание сводилось к тому, что, общаясь с сыном, он без конца повторял:

— Твоя мама — самый чистый, самый принципиальный человек на свете. Она — святая. Все, что она делает, — это для твоей пользы. Ты должен гордиться своей матерью и слушаться ее во всем». Здесь мы понимаем, что хладнокровие матери и равнодушие отца постепенно угнетают ребенка. Мальчик не родился плохим, но мы видим, как под влиянием родителей, формируется его психика. Родители будущего маньяка тоже совершенно не обязательно должны быть плохими. Нам достаточно увидеть, как на их действия реагирует сам герой, как он это переживает и к чему приходит.

6-12-14 лет. Ребенок поворачивается лицом к внешнему миру. Мышление становится более объективным. Он знакомится с сочетаниями и категориями не только предметов, но и различных форм активности (особенно в школе), в которые он вовлекается. Развитие ребенка сопровождается ростом его независимости.

14-18 лет — стадия полового созревания (иногда это 12-16 лет) — внимание подростка вновь сосредоточивается на самом себе и потребностях собственного "я". Отсюда — поиск еще большей независимости и оригинальности; одновременно — развитие способности к

рассуждению и связыванию абстрактных понятий.

Вот я все пишу «ребенок», да «ребенок», а ведь дети, как ни странно, различаются по половому признаку. В психологическом смысле сильные различия начинаются примерно с шести лет. У девочек больше развивается эмоциональный потенциал. Для мальчиков важно контактировать со своими сверстниками. Например, вот ситуация — ребенок поругался с родителями. Среднестатистическая девочка плачет, глубоко переживает, долго обдумывает случившееся. Мальчик старается не думать о ссоре, в каком-то смысле даже убегает от проблемы, и его эмоции перетекают либо в агрессию, либо он вытесняет их большим количеством общения с друзьями, спортом, и тд. Точно так же и с романтическими чувствами. У девочек любовь на переднем плане, у мальчиков — одна из составляющих. Опять-таки оговорюсь, речь идет о среднестатистических детях.

Отвлечемся от возраста, и поговорим о восприятии ребенком окружающего мира. Это очень важно — правильно описать ход мыслей героя. Вопреки распространенному мнению, логика у детей работает нормально. Почему тогда она отличается от взрослой? У детей мало информации о мире, и богатая фантазия. То, чего они не знают — стремятся объяснить, исходя из собственного опыта. Кроме того они доверяют словам взрослых, потому что это единственные образцы для подражания. Еще не зная, что может быть и чего не может, ребенок считает одинаково реальными и Париж и страну Оз. К тому же дети понимают слова буквально. Чем они старше, тем меньшему верят, потому что получают новую информацию. Так в шесть лет некоторые уже не верят в деда Мороза, но в двенадцать еще предполагают, что на конце радуги можно найти клад. Самое главное, описывая ребенка, объяснить его логику поведения, не такую, как у взрослого человека. И помните, какие бы глупые (на ваш взгляд) проблемы не были у ребенка, переживает он их ровно так же, как сложные проблемы взрослый человек, и даже тяжелее. Это вам все шуточки, а маленький герой воспринимает все в серьез.

Дети лет до 12 живут игрой, вплетая ее в повседневную жизнь. Это касается всех, даже юных гениев. Не забывайте упомянуть этот важный аспект в своем произведении!

И вот еще что, у детей чувство страха «работает» не так, как у взрослых. С одной стороны дети боятся темноты, потому что развитое воображение рисует им страшные образы в каждом силуэте. Так же дети могут гипертрофированно бояться тех, кем их пугают родители. Например, незнакомцев в лифте. С другой стороны, дети почти не боятся высоты, не боятся упасть или получить травму. Подростки, как правило, и вовсе бесстрашны, не даром именно их набирают в армию. Взрослому человеку психологически гораздо страшнее решиться на то, что для подростка является не таким уж сложным делом. Подростковый период — период «безбашенности» (психологи говорят — склонность к риску), геройства, обострения чувств, бурление гормонов (ярко выраженный интерес к противоположному полу). Период, когда человек делает, а только потом думает.

И вот, наконец, тезисы психологии ребенка:

- ◇ Мир вертится вокруг меня.
- ◇ Чего не знаю - то домыслю, исходя из богатой фантазии.
- ◇ Принимаю все в серьез.
- ◇ Мир воспринимаю через игру.

Продолжение статьи «Маленький герой»
Дарьи Кошевой читайте в следующем номере.

Павел Велный

Как ты изменилась, улица родная!

Оглядываясь в глубину прожитых лет

Оглядываясь в глубину прожитых лет,
В туман пустых и значимых событий,
Я вижу, что мне не о чем жалеть...
Не одинокий я... Не позабытый...

И от того, что дни прошли не зря,
Что нужен я и дорог хоть кому-то,
Так бесконечно рад и счастлив я...
И лучше становлюсь ежеминутно...

И пусть одет не в золото мой дом,
И в спину мне не смотрит чья-то зависть,
Но он наполнен искренним теплом,
И я живу и людям улыбаюсь...

На море

Так легко и красиво
Над безумной стихией
По волнам бледно-синим
Вдруг сложились стихи ей...

Верно, нет в мире чище,
Нет прекрасней созданья,
Чем пришедшая свыше,
Чем родная жена мне...

Я люблюсь закатом,
Золотой простынею,
На которой когда-то
Мы согрелись с женою...

Волны нежно нам пели,
Накрывали уютно...
Я влюблен в её тело
Каждый день... поминутно...

Пена ноги ласкала,
Мы стояли на суше...
Море тихо шептало:
"Ты влюблен в её душу!"

Как ты изменилась,
Улица родная!
Стала той, с которой
Я уж не знаком...
Ты разгородилась,
И собачьим лаем,
Будто песней скорой,
Окружен мой дом...

Крыши ниже стали,
А дома — богаче...
Молчаливо люди
Смотрят... Взор суров...
А тогда летали
Даже птицы ярче!
Ждали дети чуда
У ночных костров...

Выглядят устало
Пыльные орехи,
На которых рвались
Детские штаны...
Их почти не стало,
Только пни, да вехи...
Где ж теперь, мечтая,
Виснут пацаны?..

Отчего колокольни звучат так прекрасно?
Каждый звук, будто сердца родимого зов...
В каждой нотке — луч солнца, сияющий ясно...
В каждой трели — огромная высь... И любовь...

Отчего в перезвоне душевные боли
Отпускают? Душа расправляет крыло,
Миг свободы, мгновение света и воли,
Миг добра торжества и победы над злом...

Пусть же храмы России поют свои песни,
Отразившись от неба пусть звуки летят,
Чтобы души вокруг становились чудесней...

Пусть волной очищения бродит по свету
Этот Богу подаренный чистый набат...
А греховные помыслы канут пусть в Лету...

*Я стремлюсь иногда убежать из
привычного мира...*

Я стремлюсь иногда убежать из привычного мира...
Создаю для себя идиллический, радужный сон...
Не ищите причины для смеха тут, злые сатиры...
Каждый ищет тот мир, где понятен, востребован он...

Я рисую себе вековые прекрасные храмы,
Ярким солнечным соком замочены их купола...
Даже воздух, как будто стекло с пеленой амальгамы,
Отражает все замыслы... не отражает лишь зла...

Я брожу не спеша по невидимым чудным просторам...
В тишине одинокой люблюсь, как шепчутся горы,
Как бесшумно и мощно они сотрясают эфир...

В голосах не звучащих скрывается нежная вечность,
И особая, чистая, добрая нечеловечность,
Что влечет меня снова бежать в этот ласковый мир...

Автор рисунка: Евгений Тем

Валентин Носиков плелся по серому, мокрому проспекту, поминутно морщась от холода дождевых капель, что прорывали защиту его поднятого воротника, и попадали за шиворот. Каждый раз, когда ботинок вступал в лужу, Носиков раздражался внутренним монологом, все более длинным и едким. Начинал он с оставленного на вешалке зонта, и заканчивал петербургской погодой, всегда не такой, как следует.

Рядом толкались люди, с зонтами они шли слишком медленно, без зонтов слишком быстро, желая поскорее оказаться в тепле офисов. Носикова задевали то спицами, то портфелями, пока он, разозлившись, не толкнул кого-то сам. И вдруг услышал:

— Извините!

Валентин поднял взгляд и увидел приятную женщину в белом плаще.

— Я не хотела! — улыбнулась она ласково. И этот маркий белый плащ, ее взбитые кудри и улыбка так понравились Носикову, что он невольно улыбнулся в ответ, отмахнувшись:

— Да ерунда!

— А я вас знаю! Вы работаете на третьем этаже! А я на втором! Только мы не знакомы. Я Лола!

«Вот так совпадение, — подумал Носиков, — работаем в одном здании! И имя, какое у нее имя! Такое же необычное и яркое, как она сама!»

И он, поражаясь собственной (откуда только взявшейся?) легкости, пригласил ее на чашку кофе.

— Не правда ли, Петербург в такую погоду похож на акварельный рисунок! — восхищенно говорила Лола. Носиков, важно несущий ее оранжевый зонт, кивал и, действительно, теперь видел.

— Акварельный рисунок, — повторял он, очарованный ее словами, — Как красиво сказано! Признайтесь, Лола, вы поэтесса?

— Нет, что вы!

Она смеялась.

— Тогда вы просто ангел, спустившийся с небес!

Он понимал, что говорит банальности, но сейчас они обретали второй смысл, и уже не казались глупыми и неуместными.

На работу они так и не пошли. Вечером Носиков неохотно поехал домой. С раздражением он глядел на собственную десятиэтажку. Поджав губы зашел в подъезд, поражаясь, до чего же унылой краской выкрашены стены.

В квартире тускло светила лампочка. И жена, Марина, была этой лампочке под стать: такая же тусклая. В сером халате и тапках на босу ногу. И пахло от нее борщом, а вовсе не сладкими духами.

— Марина-Марина, — сокрушенно качал головой Носиков, разуваясь в коридоре, — Такая ты обычная, простая, серая, одним словом. И имя у тебя заурядное, и глаза, и волосы. Тьфу, никакого с тобой праздника жизни!

Через неделю жена съехала к замужней дочери, на прощание так хлопнув дверью, что задребезжали окна. «Сумасшедшая!» — брезгливо констатировал Валентин, и принялся звонить Лолочке. Та не заставила себя долго ждать, и уже на следующий день переехала к Носикову. Сначала она боязливо и кокетливо обосновывалась на новом месте, потом освоилась и уже без запинки произносила «наш дом», звала в гости подруг и общих коллег по работе.

Но... Ее милая непосредственность, сначала так очаровавшая Валентина, вскоре куда-то пропала. Носиков заметил, что все больше раздражается от глупости и наигранности ее фраз.

И она стала встречать его в сером халате. Впервые увидев его, Носиков замер — уж не Маринкин ли?! Но оказалось, просто похож. Лола называла его то серебристым, то графитовым, а Валентин видел одно — серый. Опять серый!

А имя! По паспорту Лола оказалась Ларисой. Носиков чувствовал себя обманутым.

И однажды в конце лета, возвращаясь с работы в одиночестве, потому что Лариса приболела и осталась дома с температурой, Валентин увидел Марину. Она шла под руку с мужчиной, они смеялись. Марина задрала голову и сказала: «Посмотри, посмотри какое небо! Не единого облачка! Простор-то какой, кажется, оттолкнись от земли — и полетишь!» Носиков тоже посмотрел на небо. Он увидел простор, и даже смог себе представить вольный полет. Парочка прошла мимо, его не заметив.

Домой Носиков не пошел, сел на скамейке в парке. «Жизнь жестока ко мне! — думал Валентин, — Несправедливо жестока! Меня все обманывают! Эти женщины лживы, они загораются, когда меня нет рядом, приманивают, а потом потухают рядом со мной! И где доискаться правды? Совершенно очевидно... — он постучал пальцами по скамейке, формулируя в уме глубокую мысль, которую в дальнейшем будет всегда носить в себе, оберегая, как сокровенное знание, — Совершенно очевидно — с женщинами что-то не так!..»

Кирилл Сорокин

Три светлых комнаты

Три светлых комнаты, балкон и коридор,
Сырым бетоном сладко пахнут стены.
В своей судьбе готова перемены,
Мешаю в тазике облупленном раствор.

Мешки с цементом, валик, уровень, топор,
Складные стулья, столик колченогий,
И на столе, под плёнкой, недотроги:
Облезлый чайник и обеденный прибор.
Три светлых комнаты, балкон и коридор —
Сырые стены нагоняют скуку,
Но кто-то мел мне вкладывает в руку,
И под рукой растёт невиданный узор:
Я мелом выведу наличник и бордюр,
Паркетный пол, на потолке розетку,
Окно, в окне — дождя густую сетку,
Витой багет картинной рамы от кутюр,
Квадрат Малевича, пейзаж и натюрморт,
Огонь, что под часами на камине.
И белый мел вдруг расцветёт кармином,
И пламя тапочки домашние лизнёт.
Я, книгу вытащив из шкафа под стеклом,
Уютно скрипну креслом у торшера,
Волной качнётся на двери портьера
И дождь припустит за таинственным окном.

И, улыбаясь, буду думать о своём:
О том, как кто-то, сил своих не зная,
Меня нарисовал, вот так, играя...
Но в этом кресле я — почти как он.

Ты болен

Ты болен. Безнадёжно. До конца.
Тупая боль минуты удлиняет,
И в зеркале плывут черты лица,
А люди улыбаются — не знают,
Что скоро понесут тебя с крыльца.

Ты болен. Беснаказанная хворь
Прошедших дней излишки пожирает,
А говорят: «Так надо, и не спорь!»,
Так говорят, как будто сами знают,
Как будто тут ветрянка или корь.

Ты болен. Задыхаясь по ночам,
Сжимаешь зубы, слёзы не пуская;
Сырую простыню сминая в хлам,
Зовёшь рассвет, о новом дне мечтая...
«Ты ноешь, — говорят, — по пустякам!»

Ты болен. У постылого окна,
Ломая карандаш, кусая губы,
Из мыслей драгоценного сукна
Кроишь слова, но говорят: «Причуды!»
А ноги не нащупывают дна.

Ты не жилец, паршивая овца —
Ты так решил, но сам не понимаешь
Диагноз свой от первого лица:
Неизлечимо жизнью ты страдаешь.
Ты болен. Безнадёжно. До конца.

Машка бежала мимо знакомых и давно уже привычных, почти родных девятиэтажек. Бежала, как всегда в эти вечерние часы, торопясь на автобус, который не станет её дожидаться. Водитель, даже не догадываясь о её, Машкином, существовании, спокойно покатит дальше, к станции метро «Царицино». Автобус покатит, а Машке придётся ещё лишних сорок минут топтаться на остановке, прячась от дуящего с поля, сырого осеннего ветра. И тогда, пока она доберётся до Царицина, пока, с пересадкой, попадёт к себе на Шоссе Энтузиастов, пока, поругиваясь с соседками по комнате, приготовит себе какой-нибудь нехитрый ужин, пока хоть как-то приведёт себя в порядок... И вообще, если Машка опоздает на автобус, то о горячей ванне придётся забыть ещё на несколько дней, поэтому она бежала каждый вечер, шесть дней в неделю, а иногда и все семь. Бежала, с привычной, ничего не обещающей надеждой, поглядывая на двери подъездов, заклеенные белыми лоскутками реклам и объявлений — Машка давно уже научилась с любого расстояния отличать объявления о сдаче квартир и комнат.

Впереди, в просветах между домами, показалась широкая улица, незастроенное поле по другую сторону, и мокрый, тёмно-зелёный навес остановки. Машка посмотрела на маленькие часики и пошла быстрым шагом — время ещё оставалось. Она уже прошла, было, мимо последнего подъезда последней серой девятиэтажки, когда на грязно-коричневой стальной двери мелькнуло искомое объявление с вяло шевелящимися на ветру надрезанными полосками. «Однокомнатная, — быстро прочла Машка. — Санузел отдельный, без ремонта,... возможна регистрация, дёшево». Предложение Машку, действительно, удивило и насторожило, но Машка была уверена, что если жить в Москве и не верить в чудеса, то можно смело собирать вещички и ехать обратно в Ушачи, чтобы выкручиваться там, вместе с младшей сестрой, на мамину пенсию по инвалидности, искать работу по специальности («художник-оформитель» — боже!) и рассказывать знакомым небылицы о том, как работала гувернанткой на Рублёвке, и чуть не сцапала олигарха — ну, не скажешь же, что такие, по ушачским меркам, деньжищи, зарабатываются продажей лотерейных билетов у супермаркета в

спальном районе. Задержав дыхание, Машка набрала номер квартиры на домофоне. Никто не отозвался. Постояв немного, она аккуратно отскребла от двери объявление и побежала к уже показавшемуся за поворотом автобусу.

Через несколько дней Машка шла по району уже не торопясь, разглядывая жёлтые листья, плавающие в лужах, и бегущие по небу серые облака. В уголках её губ пряталась улыбка, в кармане позвякивали ключи, а дома ждала облезлая до состояния грубой наждачной бумаги ванна и газовая плита с духовкой, у которой можно было греться, сушить волосы и сонно блаженствовать в позе лотоса, сжимая в ладонях чашку с горячим кофе на молоке.

— Машка! Ты, что ли!?

— Зарема!

— Ты что ж, на автобус опоздала?

— Не-а. Я теперь тут живу, рядышком!

— Да-а? А я теперь тоже тут... работаю. Место хорошее, похоже, только добираться далеко. А ты как с жильём устроилась? Может, место есть?

— Ты знаешь... А иди ко мне жить! — Машка даже зажмурилась от своей смелости и значимости. Кругленькую, большеглазую Зарему Машка знала давно, ещё с первых своих поездок «на Россию», и сейчас Машке было легко и приятно от того, что она может поделиться своей горячей ванной и шипящей духовкой.

— Правда?

— Да запросто! Знаешь, как заживем! Только, чур — я с краю!

Вдвоём жить стало веселее. Шумная, громкая Зарема вечерами хозяйничала в кухне, а после устраивала целые концерты — тепло и с душой, хоть и не всегда чисто, пела русские и узбекские песни, и даже пускалась в пляс. Машка смеялась и пыталась подтанцовывать. Теперь она стала часто заглядывать в мебельные и хозяйственные отделы магазинов, делала из цветных ниток и бумаги какие-то панно и картины, вырезала цветы и прикалывала на старенькие шторы бантики. В кухне появилась новая утварь, прозрачные баночки со специями и жестяные банки с крупами и мукой, в прихожей — коврик, а в ванной — прозрачная занавеска на провисшей верёвочке. Старенький, облупленный кафель сверкал, разномастная посуда скрипела чистотой.

А через неделю Машка вернулась домой не одна. За её спиной неловко

переминался худенький, подвижный парень.

— Это Лёша, Зарема. Мы в колледже вместе учились...

Лёша выскочил из-за Машкиной спины и торопливо протянул Зарема руку:

— Лёша. Заяц. Это фамилия такая.

— Его все только Зайцем и звали, — рассмеялась Машка. — Ты знаешь, Зарема...

— Знаю, чего уж там. Как делить будем?

Заяц боязливо попятился.

— Да не тебя, родимый! — гроыхнула Зарема. — Жилплощадь как поделим, чтобы всем удобно было?

— Ой, да я уже всё придумала! У нас же за ванной закуток есть, прямо готовая комната! Вот, Лёша, смотри, — Машка за руку потащила Зайца вглубь квартирки. — Вот здесь занавеску можно повесить, и готово тебе отдельное помещение. Видишь, здорово как! Ты нам проволоку какую-нибудь натяни или леску, а мы придумаем что-нибудь.

— Лёша — строитель! — Машка гордо посмотрела на Зарему.

— Давай, строитель, руки мой, для начала, — улыбнулась Зарема. — Пельмени стынут.

Заяц уходил на работу чуть свет и возвращался поздно, но теперь в квартире чудесным образом перестали течь водопроводные краны и отваливаться дверцы кухонных шкафов, прогоревшие конфорки газовой плиты сменились новыми, в старенькой люстре появились недостающие лампочки и с выключателя больше не сыпались искры, а в заткнутой тряпицей дырке входной двери устроился новенький, сверкающий глазок. По вечерам Лёша приносил девушкам яблоки и, подперев кулаком щёку, подпевал Зарема.

А потом в квартире появилась красавица Лия.

— Это же, считай, сестричка моя, — виновато скороговорила Зарема, — землячки мы, из одного города...

— Матрац нам надо бы, — улыбнулась Машка. — Или на надувную кровать сбросимся?

Лия-сестричка хоть и держалась в своей восточной красе особняком, была со всеми приветлива и часто хлопотала по дому вместе с Заремой,

вспоминая родной Джетысай и перебивая косточки общим знакомым. А пели Зарема с Лией так нежно и стройно, что Лёше Заяц приходилось то и дело выскакивать из кухни, чтобы спрятать навернувшуюся слезу. Размяк Заяц в женском обществе и чувствовал себя неуютно, но тут ему неожиданно повезло встретить своего давнего товарища по московским стройкам — Серого.

— Это Серёга, барышни! — Заяц залихватски хлопнул ладонью по спине, заглядывающего в двери, Серого. — У него, понимаете, какая ситуация...

Серый поднял руку, призывая Лёшу к молчанию. Вошёл. Поставил на пол ящик с инструментами и, не отводя взгляда от Лии, приложив ладонь к груди, спокойным, мягким басом произнёс:

— Очень был бы Вам признателен!

Машка с Заремой переглянулись, и Зарема поманила Зайца в кухню:

— Ты хоть знаешь, кого привёл? Что за человек? Не нравится он мне. А тебе, Мария?

Машка пожала плечами, испуганно глядя на Зарему.

— Зарема, я его сто лет знаю! — теряя задор, отпирался Заяц. — Во такой мужик! Да он, он вообще... Серый, ты откуда, как твой город зовётся, всё забываю?

— Богодухов, — отозвался Серый.

— Вот! Божий человек вообще!

Зарема выглянула в прихожую: Серый с Лией, молча, стояли друг против друга.

— Как думаешь, Мария?

— Ну что же делать... Потеснимся.

— Вот ты, Заяц, и потеснись, — Зарема грозно посмотрела на Лёшу.

— Да я... Да конечно! Пойдём, Серый, чего стоишь-то!

Серый, с трудом оторвал взгляд от Лии и, оборачиваясь, пошёл вслед за Зайцем. Зарема посмотрела в затуманившиеся Лиины глаза и покачала головой:

— Давай, Машка, ужин собирать.

Стали они впятером жить. Машка всё что-то плела из верёвочек и ленточек, вырезала из бумаги цветы, отыскивала где-то занавески и покрывала, и по совершенно невероятным, бросовым ценам доставала постельное бельё и полотенца. Зарема с Лией все вечера пекли и варили на

старенькой плите незнакомые блюда. Заяц следил за исправностью домашнего хозяйства и угощал всех яблоками, а Серый, работая на реконструкции какого-то мясокомбината, что ни вечер баловал всю компанию, то телячьей вырезкой, то куском баранины, из которой Зарема, тоскуя по отсутствующему казану, делала совершенно фантастический плов. А ещё, Серый нашёл где-то истрёпанную, дребезжащую гитару и, по вечерам, задумчиво глядя на тусклую городскую луну, заунывно пел шансон, а когда Зайцу приходилось подрабатывать в ночную смену, уводил за занавеску Лию и там они надолго затихали.

Теперь каждый день кто-то из жильцов однокомнатной коммуны оставался «на хозяйстве» — прибирал в квартире, готовил, как умел, ужин; мужчины приводили в порядок инструмент, а девушки стирали, готовили на несколько дней и успевали обежать все магазины в районе. Лёша сделал для Заремы две лёгкие и прочные, дюралевые лопаты: одну поуже, другую пошире — чтобы удобнее было убирать и лёгкий, пушистый снег, и тяжёлый, мокрый. Машка связала всей компании рукавички: девушкам красные и белые, парням — зелёные; а Серый плотно забил маленькую морозильную камеру мясными деликатесами.

Но, однажды, когда «на хозяйстве» оставался Серый, придя вечером домой, жильцы увидели восседающего на табурете посреди кухни, плотного темноволосого мужичка.

— Михай, — просто представился мужичок, беспокойно глядя тёмно-вишнёвыми глазами.

Серый отодвинул рюмки от края стола и развёл руками:

— Жить негде.

— Да ты что ж!... — стала закипать Зарема. Машка устало прислонилась к косяку, Лия задумчиво расстегивалась, чуть заметно улыбаясь.

— Да где ж мы тут все!... Проходной двор!

— Милые! — Михай соскочил с табурета и встал на четвереньки, по-собачьи подняв голову. — Милые, родненькие, не оставьте! Свечку за вас поставлю! Свечку, службу закажу — я на храме работаю, я всё могу! Нельзя мне без регистрации! Нельзя! Трое детей у меня! Ми-илые! — он разом прижал к груди руки и стукнулся головой о пол.

Машка сползла спиной по косяку и присела в углу, неловко вывернув худые коленки.

В дверях появился Лёша.

— Вот тебе ещё один божий человечек! — рыкнула Зайцу Зарема, в сердцах сплюнув на пол.

— Ты где жить-то собираешься, святой отец?!

— А я знаю, я знаю, — засуетился Михай, — я нашёл уже. Всё придумал. Нисколько вас не стесню, мои хорошие! — он, пригнувшись, нырнул за занавеску и выскочил с грязным спальным мешком в руках.

— У меня всё, вот, с собой. Я на антресолях у вас... Разрешите?

Зарема, удивлённо посторонилась. Лия скользнула в кухню, в объятия улыбающегося Серого.

Михай привстал на цыпочки, открыл дверцы антресолей и ловко забросил в пыльную темноту развернувшийся в полёте, спальник.

— А потом я — р-раз — и там. А потом — р-раз — и здесь, — Михай показал, как он будто влезает на антресоли, подтягиваясь на руках, а после, так же спускается.

— Да ты нас раздавишь! — испугался Заяц.

— Нет, не раздавлю. Я не тяжёлый, это кажется только.

— Ну, так полезай, чёрт с тобой! — выдохнула Зарема.

— Спасибо, милые вы мои! Спасибо, мои хорошие! Я в долгу не останусь! Да я и не с пустыми руками же! — Михай снова вскочил за занавеску и выволок оттуда испачканный побелкой баул.

— Медок вот, церковный. Винцо. Ай, какое винцо! Наше, молдавское, тираспольское! Серый, что ты стоишь!? Помогай! Накрывай!

Серый с Лией засуетились, расставляя по столу посуду и угощения. Заяц, потоптавшись в дверях, быстро разделся и присоединился к кухонной суматохе. Машка, поднявшись с пола, медленно расстёгивала серенькое пальтишко:

— Зарема, я пойду, прилягу. Нехорошо мне что-то.

— Иди, Машенька, иди. А вы, — Зарема грозно глянула на готовящуюся к застолью компанию, — потише тут! А ну пропусти, Заяц, хорош тут по кастрюлям хозяйничать!

Когда в комнату тихо вошла Зарема, Машка уже спала. Сонный и хмельной Заяц, путаясь в занавеске, пробрался в свой закуток, Лия с Серым плотно прикрыли кухонную дверь и выключили верхний свет, а Михай, пожелав всем спокойной ночи, отправился в туалет — шуршать газетой и тяжело вздыхать. Пошуршав и, с гулом, спустив воду, Михай аккуратно

прикрыл дверь, потоптался, хрустнул, сцепив пальцы, суставами и, подтянувшись, забрался на антресоли. Что-то жалобно скрипнуло и затихло. Михай шумно завозился, устраиваясь в спальном мешке, и тут снова что-то скрипнуло, хрустнуло, запищало и, с громким треском, антресоли рухнули на пол, потянув за собой тонкую, гипсовую стену кухни. Стена накренилась, грозя упасть на испуганного Михая, откуда-то выскочил и повис поперёк коридорчика толстый провод вместе с разветвительной коробкой. В кухне, не выдержав, лопнули ржавые муфты на притянутых к стене водопроводных трубах и, распахнув дверцы шкафчика, в сидящих на табурете Серого и Лию ударили две толстые струи воды — горячая и холодная. Серый вскочил и, поскользнувшись, чуть не вылетел в окно. Зазвенели стёкла. Перепуганный Заяц, пища что-то фальцетом, рванул из закутка, зацепился за провод и упал на обсыпанного гипсовой крошкой Михая, в коробке глухо хлопнуло, сверкнул огонь. Свет погас.

К приезду спасателей все успели, собрав в темноте ценные вещи, выскочить из квартиры и разбежаться, целы и невредимы. Дрожащий от холода и удара током Заяц тащил на себе целый тюк Машкиных и Зареминых пожиток, Серый — завёрнутую в одеяло, мокрую, закатывающую в ужасе глаза, Лию и пакет с замороженным мясом. Михай печально переваливался, обняв длинный, грязный баул.

И сейчас они где-то в столице. Красят, штукатурят, брёвна носят, доски пилят — новые терема по Москве строят. Лучше прежних!

Автор рисунков: Евгений Тем

Кирилл Сорокин

Напиши мне

Вот, пожалуй, и всё. Распахнулась весна вечерами,
Грязный снег догнивает в тени у заборов и стен,
Набухает верба, старый город трещит воробьями,
С тротуаров сметая забытый по осени тлен.

Напиши мне письмо — здесь так серо, и пусто, и гулко.
Напиши хоть строку, чтобы я о тебе не забыл.
Пусть хоть раз почтальон этим топким пройдёт переулком,
Где в холодной воде свет окон безмятежно застыл.

Расскажи в двух словах о себе, пусть чужой и далёкой,
О дневной суете, о простых, незаметных делах.
Словно, встретившись, мы разминувшись, потупившись. Боком.
И неловко спугнув воробьёв на озябших кустах.

Распахнулась весна. Не пиши мне, пожалуй. Не надо.
Что решат две строки? Да хоть десять, хоть сто пятьдесят.
Опускается ночь, из окна потянуло прохладой,
И на бархатной мгле наши общие звёзды висят.

И сказано было...

И сказано было: «Пиши!»
Но слов невесомые звуки
ложились на ноты разлуки
и слышалось смутно: «Дыши!»

И кто-то добавил: «Спеш!»
Ты видишь: натянуты луки.
Беги! На озябшие руки
наплюй, и не думай — пиши».

Себя пустотою заполни,
но вытолкни серую муть
и лучшие мысли исполни.

И сказано было: «Забудь».
Но тлею неслышное «Помни».
И будь, обязательно, будь».

Автор рисунка: Ольга Неводова

Объявление

Голосование на рубрику «Выбор читателя»

Голосуем за тексты в рубрику "Выбор читателя" на 22 номер газеты "Беседы у камина".

Ниже перечислены претенденты. Читайте тексты и выбирайте:

Надя М "Постоянный ток"

Татьяна Акулова "Строка состояния"

Анна Чулкова "Нирвана"

Анна Чулкова "На море"

Анна Скирдина "А.Ю."

Анна Скирдина "Прошлое"

Александра Зорина "Мне нравится дождь"

Виктор Пересмешник "Соавтор"

Кирилл Сорокин "Разгон"

Кирилл Сорокин "Сновидец"

Ира Ничья "Паутина"

Дарья Коловангина "Спи так, как будто у нас есть дом"

Валентин Смирнов "Близится полночь"

Дымояр Баюн "Ненареченный"

Братислав Либертус "Притча о трех сестрах"

Голосовать можно по следующим ссылкам:

Тема на сайте вконтакте — http://vk.com/topic-5903087_28568948

На сайте stihi.ru — <http://www.stihi.ru/2013/08/12/1813>

На сайте proza.ru — <http://www.proza.ru/2013/08/12/405>.

Навигация по авторам

Валентина Демидова-Кайма

Сердитый Вася (проза)

Дарья Кошечкина

Разочарование (проза)

Маленький герой. (статья)

Евгения Козачок

Я тебя ждала (проза)

Там, где меня нет (проза)

Праздник счастья (проза)

Ира Ничья

Потому что птицы умеют быть свободными

Отрывок

Кирилл Сорокин

Ты болен

Три светлых комнаты

Теремок (проза)

Напиши мне...

И было сказано

Михаил Блинов

Сладкая, горькая, пьяная

Нина Гаврикова

Дождик шлепает по лужам

Детство — краткий миг

Павел Вечный

Как ты изменилась, улица родная!

*** (Отчего колокольни звучат так прекрасно?)

На море

Я стремлюсь иногда убежать из привычного мира...

Оглядываясь в глубину прожитых лет

Серж Антонов

Преданная память

Ночные ведьмы

Близнецы

Шел снег

Непокоренный Китеж-град

Никто на встречу не пришел

Юля Паламарчук

Зовемся, конечно, — люди

*** (Счастье — это когда до дома пара улиц, маршрутка, поезд.)

Вы хотите любви, говорите?

*** (Идти в одиночку по жизни — возможно, но очень непросто.)

Благодарности

Редакция газеты «Беседы у камина» выражает благодарность всем людям, которые помогали в создании номера, а именно: Александре Сорокиной, Юлии Ложкиной, Наталии Коденцовой, Нине Гавриковой, Анастасии Тушинксоу и Дрье Кошевой за помощь в отборе текстов, а также Лёне Скоробогатовой за верстку.

Контакты

Наш электронный адрес — gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — <http://buk-journal.ru>

Адрес нашего форума — <http://buk-journal.ru/forum/>

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте — http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru — <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru — <http://proza.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашего блога — http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/

Автор рисунка: Евгений Бем